

ОТЗЫВ

официального оппонента Гавриловой Марии Владимировны
о диссертации Сурлай Владимировны Абысовой
«ИГРОВАЯ ПОЭЗИЯ АЛТАЙЦЕВ: К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ»
на соискание ученой степени кандидата наук по специальности 10.01.09 –
Фольклористика.

Диссертация С.В. Абысовой посвящена проблеме классификации вербальных текстов, связанных с традиционными играми алтайцев. Насколько можно судить, к настоящему моменту научных работ об игровом фольклоре этого этноса написано мало, так что автор рассматриваемой нами диссертации восполняет существенный пробел в наших знаниях об алтайской традиционной культуре – в этом заключается актуальность работы диссертанта. Классификации играют ведущую роль в систематизации наших знаний об изучаемых явлениях: по существу, они кладут основу для всякого научного познания – в том, что С.В. Абысова обращается именно к этой задаче, заключается значимость ее исследовательского труда.

Диссертация, представленная на защиту, расширяет поле доступных сведений об играх народов России и вообще народов мира, что очень важно как для фольклористики, так и для игроведения – и в этом состоит научная новизна данной работы. Объектом исследования С.В. Абысовой стал материал, собранный с 1950-х годов по настоящее время. Источниками анализируемых текстов послужили архивные записи, публикации в местной прессе, редкие и разрозненные упоминания, рассыпанные по этнографическим трудам, посвященным алтайской культуре, наиболее ранние из которых относятся ко второй половине XIX века. В дополнение к этому, в качестве сравнительного материала автор привлекает, с одной стороны, описания народных игр в эпических фольклорных произведениях, а с другой – традиционные игры иных этносов (хакасские, башкирские, коми, адыгские и др.). Исследовательница вводит в научный оборот множество поэтических и других вербальных текстов, связанных с алтайскими народными играми. Чрезвычайно основательная проработка всех

существующих источников, содержащих материал по ее теме – это, пожалуй, наиболее сильная сторона работы С.В. Абысовой. Более того, она и сама принимала участие в сборе фольклорных материалов, и ее собственные записи также пополняют анализируемый ею корпус текстов.

Теоретическая значимость диссертации С.В. Абысовой состоит в том, что, предлагая свой вариант классификации жанров игрового слова, она вносит существенный вклад в систематизацию и научное осмысление этого вида народного творчества. Важным, с точки зрения методологии изучения игрового фольклора, на мой взгляд, также является то, что исследовательница рассматривает словесные фольклорные жанры – такие как загадки, скороговорки, ритуализованный обмен колкостями и песенные состязания – в качестве традиционных игровых практик. Это не только совершенно справедливо, но и методологически продуктивно. Прагматика текстов этого типа именно игровая, состязательная, и рассмотрение их в отрыве от обстоятельств исполнения (что вовсе не редкость в отечественной фольклористике) способно не просто исказить картину, но и привести к ложным выводам.

Практическая значимость работы С.В. Абысовой состоит в том, что исследуемый ею фольклорный материал уже широко применяется в пропаганде традиционной игровой культуры как элемента, помогающего конструировать этническую идентичность алтайцев. Автор диссертации является составителем научных публикаций записей традиционного алтайского игрового фольклора. Кроме того, она принимала непосредственное участие в подготовке и адаптации произведений алтайского фольклора для педагогических и рекреационных целей. В качестве приложения к диссертации ею подготовлена довольно объемная подборка описаний игр и игровых текстов на алтайском языке с переводом на русский – эта подборка является материалом, готовым как для научного, так и для практического использования. Результаты работы С.В. Абысовой могут быть положены в основу учебных курсов о фольклоре и традиционной

культуре алтайцев, а также об алтайском детском, молодежном и материнском фольклоре.

Диссертация С.В. Абысовой состоит из введения, трех глав, заключения и приложения. Во введении автор, как и положено, формулирует цель и задачи своей работы, пишет об их актуальности и новизне, обрисовывает степень разработанности темы, теоретическую и практическую значимость, а также характеризует свои источники. Жаль только, что автор не уточняет, чьи конкретно игры находятся в фокусе ее рассмотрения – детские, молодежные, ритуальные? Каков пол и возраст участников игр? В какие годы они проводились? Случалось ли С.В. Абысовой самой наблюдать их в естественном бытовании, или же она знает о них в основном благодаря архивным записям и устным рассказам пожилых информантов? Не затрагивает она и такой важной темы, как изменение содержания игровой культуры и модуса ее существования из-за изменения образа жизни людей, урбанизации, глобализации, а также под влиянием доминирующей советской, а в дальнейшем российской культуры и т.д. О том, что такое влияние все-таки имеет место, можно догадаться по тому, какое значение автор придает «сохранению игровой поэзии как фольклорного наследия» и «возрождению» традиционных алтайских игр – то, что живо и актуально, «сохранять» и «возродить» обычно не требуется. Во введении следовало бы также рассказать о том, какие традиционные игры алтайцев до сих пор в ходу, какие изменились, какие были вытеснены из обихода (и чем), а какие сегодня забыты (и почему).

Глава 1, которая называется «К проблеме изучения и классификации игрового фольклора», посвящена обзору литературы по теме исследования. Приходится с сожалением признать, что среди трех глав диссертации она самая слабая – из нее видно, что автор недостаточно ориентируется в современных подходах к изучению игр и традиционной игровой культуры.

Набор игроведческих работ, рассматриваемых С.В. Абысовой в оборе литературы, случаен и довольно-таки хаотично организован. Например,

масштаб исследования Йохана Хейзинги об игре как культурном феномене явно несопоставим результатами работы М.А. Ключевой по изучению современных дворовых и традиционных марийских игр (при всем уважении к Марии Аркадьевне) – а автор никак не иерархизирует рассматриваемые ею труды. С.В. Абысова перечисляет в качестве представителей «современной науки» не только Хейзингу, работы которого были написаны в 1930-е годы, и Алана Дандеса, чьи статьи, наиболее известные в России, относятся к 1960–1980 годам, но даже сэра Джэймса Джорджа Фрэзера, который умер в 1941 году, а свои основные научные труды написал в конце позапрошлого – начале прошлого веков! Таких же авторов, как Роже Кайуа и Брайан Саттон-Смит, ничуть не менее важных для игроведения, чем Хейзинга, она, увы, даже не упоминает. Бросается в глаза то, что С.В. Абысова ни разу не ссылается на непереведенные на русский язык иностранные работы – что выглядит довольно странно в эпоху существования ресурсов вроде Google.Академии и распространенности сервиса машинного перевода текста практически с любого языка. Среди цитируемых в диссертации русскоязычных работ не так уж много таких, которые были бы написаны после 1980–1990-х годов (правда, это не относится к работам, посвященным алтайским играм – эта область автору известна досконально). Современное исследование, ориентированное исключительно на советскую фольклористическую традицию, смотрится анахронично. Подход к фольклору как к «устной народной литературе», позаимствованный автором из трудов советских классиков, выглядит сегодня устаревшим и противоречит ее же характеристике народных игр как синкретичного феномена. Почему термин «фольклор» должен использоваться исключительно по отношению к поэзии? Разве само игровое действие не является фольклором?

В обзоре работ предшественников не хватает их критического обсуждения. Что в их выводах автор считает верным, а что ошибочным? Какую информационную либо методологическую пользу она из них

извлекает? Как она подтверждает, развивает и обогащает уже существующие в науке концепции? Какие новые, по сравнению с предшественниками, теоретические разработки предложены ею самой? Это так и остается непонятным.

Удивительным мне кажется и то, что в диссертации, посвященной игровому фольклору, отсутствует какое бы то ни было определение игры как вида деятельности и как жанра фольклора. Совершенно непонятно, что, по мнению автора, делает игру игрой. Бытование в детской среде? Условность действия? Тот факт, что участники веселятся и получают удовольствие? Генетическая связь с ритуалом? Состязательность? Педагогический потенциал? Что-то другое? Складывается впечатление, что для автора диссертации нет абсолютно никакой разницы между словесными поединками (замечательно ею описанными), спортивными состязаниями, материнским фольклором, свободным времяпрепровождением детей, молодежными плясками, а также развлечениями, приуроченными к календарным и окказиональным обрядам. Между тем, все это – фольклор разной аудитории и разного предназначения. Если же С.В. Абысова решила по какой-то причине пренебречь этой разницей, ей следовало бы написать об этом и обосновать свое решение.

В последнем параграфе Главы 1 автор описывает структуру своей классификации жанров алтайских игровых фольклорных текстов. С.В. Абысова делит игровые тексты на две группы, которые называет «фольклор народных игр» и «фольклор словесных игр», что звучит несколько странно – как будто словесные игры, в отличие от остальных, не являются народными. Вероятно, имелись в виду подвижные игры?

В главе 2 – «Фольклор народных игр алтайцев» автор переходит к характеристике текстов, связанных с играми, которые она определяет как «народные». Их она делит на «поэзию “игровой прелюдии”» и «поэзию собственно народных игр» – честно говоря, к содержанию обоих подпунктов классификации возникают вопросы. Неопределенность представлений автора

о предмете исследования, которая обозначилась в Главе 1, привела к тому, что С.В. Абысова дифференцировала рассматриваемые ею явления довольно-таки произвольным образом, и с далеко не всегда очевидными основаниями. Например, совершенно непонятно, по какой причине материнская потешка с перебиранием пальцев включена ею в жанр считалки, учитывая, что такой текст не выполняет основной функции игровой считалки – выбора игрока на роль водящего. Почему игру в загадки автор относит к «народным играм», а не к «словесным», хотя они, по сути, представляют собой словесные состязания, и к тому же содержательно взаимосвязаны с жанром скороговорок? Непонятно и то, почему автор считает детские и молодежные сезонные забавы «журавли», битье снега и скатывание с горы с определенными словами именно играми, а не просто ритуальными развлечениями.

Странно выглядит некритическая приверженность автора к эволюционистской идее о том, что любая народная игра непременно является пережитком какого-нибудь забытого ритуала или общественной практики. Это одна из тех идей, которые «унаследованы» С.В. Абысовой прямоком из советской фольклористики. Однако сегодня, в отличие от XIX века, заключения вроде того, что игра «Слепой» связана с обрядом инициации, а игра «Охотники и олени» – с охотничьими ритуалами, звучат крайне сомнительно – учитывая, что подобные выводы делаются автором умозрительно и при отсутствии надежных тому доказательств.

Следом за советскими классиками изучения «мудрости народной» С.В. Абысова преувеличивает и «обучающую функцию» традиционных игр и детского фольклора – например, приписывая ее, например, считалкам, которые она называет их «одним из способов ознакомления детей с практическими навыками, необходимыми для взрослой жизни». Не очень понятно, каким именно навыкам, полезным во взрослой жизни, может обучить текст, в котором числа рифмуются с рандомными объектами окружающего мира по принципу звукового сходства их названий.

Формулировки автора, к сожалению, далеко не всегда бывают удачными, что влечет за собой неясности и двусмысленности. Например, она называет драматические игры «зрелищными» – если это так, то возникает вопрос: кто же их зритель? Почему игра «Охотники и олени» отнесена к драматическим играм, если между ее персонажами даже нет диалога? И, опять-таки, кто выступает зрителем этой «драмы»?

В то же время следует высоко оценить проведенный в Главе 2 анализ игрового слова, выделение автором смысловых кругов упоминаемых в играх объектов (слова, относящиеся к семье и дому, к сфере скотоводства и т.п.), исследование ею поэтики игровых прелюдий, песен, приговорок и др. текстов. Очень интересно и сопоставление алтайских игр с очень похожими играми из других этнических традиций, и с алтайскими текстами, приуроченными к ритуалам, а также с описаниями игровых практик в эпической поэзии тюркских народов.

Глава 3, которая называется «Фольклор словесных игр алтайцев», является наилучшей частью работы С.В. Абысовой. В ней автор подробно и ярко описывает игры алтайцев, построенные на словесном состязании, и обстоятельства их бытования. Она раскрывает смысл содержания подобных «поединков» и объясняет их социально-коммуникативные функции. В главе 3 автором также выполнен тонкий анализ художественных особенностей тех игровых текстов, которым присуща поэтическая форма. Описание образности, ритмики, смысловых отсылок и юмора народной поэзии алтайцев – это явно стихия и «конёк» С.В. Абысовой.

В заключении автор подводит итог проделанной работе и обобщает свои выводы, которые состоят в том, что жанры алтайского игрового фольклора многообразны, а относящиеся к ним тексты несут в себе весь колорит, присущий традиционной алтайской культуре.

Библиография диссертации С.В. Абысовой насчитывает 254 наименования, что немало – правда, не все упомянутые в ней книги и статьи автор цитирует в своей работе. Библиография содержит такие разделы, как

научная литература (т.е. книги), статьи, электронные ресурсы, словари, источники материалов (как опубликованные, так и архивные).

Приложение к диссертации включает 106 текстов на алтайском языке с авторским переводом на русский язык с указанием времени и места их полевой записи и комментариями.

Несмотря на высказанные вопросы и претензии, в целом работу С.В. Абысовой я оцениваю положительно.

Единственное, что хотелось бы отметить напоследок – то, что в диссертации С.В. Абысовой мне очень не хватало собранных воедино и ясно изложенных сведений о том, в чем состоит своеобразие игровой культуры южных алтайцев, по сравнению с другими народами. Какое место традиционные алтайские игры занимали раньше и занимают сейчас в жизни алтайцев? Как игровая культура этого народа менялась под воздействием различных исторических событий и обстоятельств за последние 100–150 лет? В отсутствии таких сведений приведенные автором материалы, к сожалению, повисают в пустоте и едва ли могут быть адекватно поняты читателем, не столь глубоко погруженным в традиционную культуру алтайцев. Также для читателя могла бы быть очень полезна краткая справка об этногенезе алтайцев, истории этого народа, религии, хозяйстве и взаимоотношениях с соседями. В тексте диссертации С.В. Абысовой мне довольно часто попадались слова, явно относящиеся к каким-то реалиям жизни алтайцев, но, как человеку не столь осведомленному, совершенно мне непонятные – такие, например, как «зоска», «сёоки», «майманы», «аил» и др. Если в качестве читателей работы предполагаются не только знатоки алтайской культуры, такие слова все-таки необходимо снабжать примечаниями.

Основные результаты исследования С.В. Абысовой апробированы в докладах, прочитанных на всероссийских, межрегиональных и международных научных конференциях. Автором опубликовано 13 статей, из них 3 – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Текст автореферата соответствует содержанию диссертации.

